

ИХ ПРАВЫ

(Из рассказа старого одесского сводника)

Ты думаешь, у меня не было проколов?

Были...

Как-то познакомили одного с одной.

Ну там вообще не было на что смотреть. Буквально все в нерабочем состоянии... Как говорится: "Чем плюнуть в урну, так лучше плюнуть на нее". Понимаешь?

А вот ему она подошла. Ну, а он к ней как раз нет. И все!

Короче, так и так, а она — ни в какую. Билась, как в последний раз в предпоследний день. Даже моя Дуся не могла помочь. Моя Дуся не могла!!! Догоняешь?!

Короче, голый номер.

И что ты думаешь?

Он взял инициативу на себя. Подошел на людях: "Я согласен. Что можно убиться? Все. Нет, так нет... Но давай на минуточку зайдём в соседнюю комнату..." И вот, когда они уединились, он тут же снял штаны: "Дура, смотри сама, от чего ты отказываешься...".

И что? Они поженились и живут душа в душу!

А сколько времени потеряли из-за тех штанов...

Мариам ЮЗЕФОВСКАЯ

Арбуз с хлебом

Если вы не бывали в Одессе, то, конечно, не представляете, что такое старый одесский дворик с его пристроечками, балкончиками, кладовочками — они точно ласточкины гнезда лепятся к стенам почерневшего от времени ракушечника. С чугунной водопроводной колонкой, у которой рычаг отполирован ладонями прабабушек и бабушек нынешней ребятни. С маленькой клумбой, где буйствуют беспризорные ночные фиалки, простецкие петушки и неженки мальвы. Но главное в этих дворах — крытые галереи. Они сбегают вниз крутыми скрипучими щербатыми ступенями. Они нависают сумрачным козырьком над первыми этажами и опоясывают стены. И от этого дом смахивает на стриженную под ноль голову новобранца, которому по самые уши нахлобучили парадную фуражку с высокой тульей. Сюда, на эти крытые галереи, выходят двери всех квартир. Здесь, на широких мраморных подоконниках, до блеска начищенные примусы неистовствуют в угаре, источаемом золотистой жареной рыбой и темно-сизыми печеными баклажанами. Отсюда просматривается весь двор, мощный угловатым сизым булыжником. И можете не сомневаться — незамеченным вы не пройдёте. Даже если из-за своей северной скованности и угрюмости молча будете шарить взглядом по черной доске, где крохотными буквами написано "Список жильцов", то кто-нибудь обязательно не выдержит и сердобольно спросит: "Вы до кого, товарищ?". Потому что это не просто двор, это старый одесский дворик. Здесь старики помнят детьми тех, у кого уже свои дети. Здесь вечерами открываются двери квартир, и люди выходят, чтобы поговорить о жаре, о ценах, и, конечно, о жизни. Здесь в затхлых рундуках, обшитых железом, хранятся такие старые вещи, о назначении которых уже многие и не догадываются. "Бабушка Дуся, можно я возьму это колесо?" — "Положи на место, и шоб я близко тебя коло него не видела. Этот обруч катала еще моя мама в парке. Арон, вы не помните, как называлась эта игра?". Старый сапожник Арон пристроил у своего обитого жестью табурета лампочку. И даже сейчас, в сумерках, не выпускает из рук молотка. Во рту у него деревянные шпильки, а между колен зажата сапожная лапа с детским сандалием. Он выплевывает последнюю шпильку, вгоняет ее точным, экономным движением в подошву. И лишь после этого начинает обстоятельно объяснять: "Эта игра называлась серсо. Там, где сейчас на Соборной площади собираются эти мишигасы (сумасшедшие) болельщики, там дети катали серсо. За пару копеек можно

было получить эту игру на целый час, Катай себе на здоровье". "Что такое, дядя Арон? Чем вам помешали болейщики? — лениво цедит Миша, худой мужчина в сетчатой майке. Через ее крупные ячейки выбиваются кустики черных курчавых волос, которые точно пушистая вязаная фуфайка покрывают его грудь, плечи и спину. — Я вижу, моя жена перетянула вас на свою сторону. Как тебе это удалось, Роза?" — он оборачивается к жене, которая сидит рядом и легонько хлопает ее по широкой спине. "Оставь свои шуточки, — бросает она лениво через плечо, — лучше посмотри, что делают твои милые детки", — голос ее тягуч и пронзителен. Она отдыхает от одуряющего стрекотания швейных машин на фабрике, от кухонного чада, а, главное — от головолomных расчетов: "Если купить детям кило вишни, так не хватит Мише на брынзу. Что я ему дам с собой на работу? А горячий цех — это горячий цех. При такой еде недолго и хворобу подхватить". Роза стягивает расходящиеся полы старого цветастого халата. Внезапно точно ужаленная вскакивает со стула: "Миша! Куда ты смотришь, Миша. Это твои дети или это байстрюки приبلудные? Они же сейчас отобьют себе ноги. Они же провалят нас всех со всеми нашими бебехами на первый этаж к мадам Головняк!". Худенький мальчик с тоненькими как былинка ножками, покраснев от натуги, упрямо тянет из рундука чугунную наковальню. Девочка, кряхтя и охая, помогает ему какой-то палкой. "Дети, вы, наверно, хотите спать? Да, дети? Вы соскучились по своим кроваткам, по маминым песенкам?" — голос Миши тих и невозмутим. Но наковальня с грохотом падает на дно рундука, вслед за этим оглушительно хлопает обитая железом крышка, и дети, отчаянно стуча пятками по деревянным ступеням лестницы, выбегают во двор. "Вы заметили, как они любят мамины песенки?" — смеется Миша. Смех у него громкий, заразительный, кудахтающий. Начав смеяться, он долго не может успокоиться и, глядя на него, улыбаются Арон и Дуся. А Роза невозмутима. Руки ее сложены калачиком и подпирают высокоую грудь. "Почеси, почеси язык", — изредка вставляет она. "Вы помните, как эти бедолаги криком кричали по ночам? — сквозь смех спрашивает Миша. — Доктор потом мне объяснил, что это у них от испуга. Говорит: "Ваша жена, дай ей Бог здоровья, такая музыкальная, не сглазить бы. Лучше всего ей петь в хоре казаков. И дома будет тише, и дети будут спокойней", — он с новой силой заливается смехом. Арон ему грозит: "Ты договорись сегодня. Если Роза разоидется, тебе будет мало места!". "Вы смотрите, Дуся, как они с Розой спелись. Попугай-неразлучники. Вы что, Арон, уже полюбили ее пение? Или вы скажете, что у вас ничего не слышно? Может, не дай Бог, между нашими комнатами, наконец, поставили капиталь-

ную стену?" — "Тихо! Тихо! Слышите? — Дуся поднимает вверх указательный палец. В вечерней тишине раздаются звуки скрипки, — она опять играет, эта новая жиличка", — Дуся поднимает на лоб очки. Несколько минут вслушивается в напевные звуки: "Я старый человек, у меня уже плохо с глазами, но мне кажется, что у этой скрипачки с головы упала корона, когда она с нами поздоровалась. Чтoб человек жил две недели и не зашел хотя бы за солью. Такое я вижу в первый раз". Дуся скорбно поджимает губы и умолкает. "Зачем ей ваша соль? — язвительно усмехается Роза, — она же не варит, не жарит, не шпарит. А захотела — пошла в ресторан и поела! Чтo у нее, дети? Муж? Чтo, ей нужно каждый день ломать голову, что сварить, что купить? Нет. Живет себе в свое удовольствие. Правда, не в коня корм. Она же прямо светится, такая она худая". — "Может, хватит. Чтo вы прицепились к человеку, — не выдерживает старый Арон, — каждый живет, как может. Я не думаю, чтoб деньги на нее сыпались с неба, раз она носит такие туфли", — он кивает на черные старые туфли, лежащие около него на полу. "Чтo такое? Я вижу, вы уже чините ей туфли? И, конечно, бесплатно", — вскидывается Роза. "Ничего, когда она станет великой скрипачкой, и люди будут платить большие деньги, чтoб ее послушать, она мне отдаст долг, — улыбается Арон, — а пока, — он берет в руки туфель, критически оглядывает, — пока мы подoбьем косячки, набoечки — и будут как новые. У нее завтра концерт". — "Ну, ну, ждите, — Дуся снова было поджимает губы, но тут же оживляется, — Слышите? До нас кто-то поднимается. А, Паша! Здравствуйте! Как ваше давление?" Дворничиха Паша с трудом одолевает скрипучие ступени: "Здравствуйте! Привет честной компании. Чтo мое давление? Давит! Три черта ему. Давит, гнет до земли. Миша, вы не обижайтесь, но я ваших башибузуков полила из шланга. Они как скаженные лезут на тую голубятню". — "И из-за этого вы поднимались к нам? — вскидывается Миша, — полили, так полили. Роза, слышишь, не мой детей на ночь. Они уже чистые. Садитесь, Паша. В ногах правды нет!" — "А где та правда? Больше чем полжизни прожила, а в глаза ее не видела, — вздыхает Паша, — я ведь к вам за подмогой пришла. Беседку надо чинить. Вся сгнила. Того гляди, на голову рухнет. Домоуправ говорит: "Нет денег. Будем сносить". Так ведь жалко. Может, соберем по три рубля с квартироъемщика на материалы? А Жорик с четвертой квартиры обещал за так починить. Вы тут решайте, я пойду. Мне надо еще три дома обойти", — она уходит, тяжело переваливаясь. "Чтo делать? Давайте, кто сколько может", — Дуся протягивает жестяную коробку из-под монпансье.

Арон откидывает черный брезентовый фартук и достает из кармана

холщовых брюк две мятые купюры: "Денежки мои вы, денежки, — поет он надтреснутым фальцетом,— все понимаю, кроме одного — нам даром — никто ни копейки, а мы всю жизнь должны за все платить! За армию, за флот, за космос, — он загибает один за другим почерневшие от сапожного вара и дратвы пальцы, — ну, что они еще придумают?". "Вы за них не беспокойтесь", — откликается Миша. "Слушайте, а как же скрипачка? Мы что, должны за нее отдуваться?" — Роза роется в старом потертом кошельке, выуживая оттуда деньги, нервно теребит их в руке и с неохотой опускает в коробку. "Роза, перестань из-за копеек поднимать шум", — примирительно бормочет Миша. "Копейка туда, копейка сюда! Я из-за этой копейки трижды весь базар обойду. Торгуюсь, ругаюсь — самой стыдно. А что я покупаю, что приношу тебе, детям? Там подвяло, там подгнило. Я что-нибудь хорошее приношу в дом? — она на мгновение умолкает: "Что я говорю, Боже! Сомкни мне уста!" Но ярость клокочет в ней. Она подхватывает с пола детскую сандалию,— если б не дядя Арон, мальчик завтра пошел бы в сад босый. А до твоей зарплаты еще неделя".

"Не позорь меня! Иди в дом,— лицо Миши багровеет. Он долго молчит, потом горько усмехается, — сегодня не пошел на стадион. Решающая игра. Пожалел денег на билет, на пиво". — "Не ссорьтесь, дети! Не надо! Слышишь, Миша? Я тебе говорю,— бормочет Дуся. Лицо у нее расстроенное, — вам нужны деньги? Я одолжу. У меня как раз завтра пенсия". — "Вы у нас богачка, тетя Дуся. Ротшильд, случайно, вам не брат?"— криво усмехается Миша. С Приморского бульвара доносится бой курантов. Они вызывают песню о белой акации, о море, о прибое, обо всем том, что называется Одессой. — "Пора спать, — хмуро говорит Миша, — завтра работаю две смены подряд. Подмазал мастера — обещал дать подзаработать". Арон и Дуся долго сидят молча. Арон угрюмо сучит дратву, Наконец он прерывает тягостное молчание: "Это жизнь, Дуся? Это жизнь? Я Вас спрашиваю! — второй раз за этот вечер он откидывает край черного брезентового фартука, достает из кармана деньги, хмуро насупившись, считает их. Потом, отделив часть, дает Дусе. — Купите Розе что-нибудь приличное. У нее скоро день рождения".

Прошла неделя знойного лета. Наступил август. Вы спрашиваете, что случилось? Почему сегодня такой шум? Не пугайтесь. Ничего страшного. Просто Миша принес арбуз — первый арбуз в этом году. Вот он лежит в глубокой миске, поблескивая глянцевитыми зелеными боками, а тетя Дуся не спеша режет его на широкие ломти. Дети не сводят глаз с ее рук. "Дуся, дайте детям хлеба. Разве можно есть арбуз без хлеба? Они же ос-

танутся голодными", — ворчит Арон. "Ты отсталый человек, дед Арон. Это только до революции бедняки ели арбуз с хлебом",— огрызается мальчик и тянется к арбузу, но в тот же миг карающая рука Розы хватает его за ухо и притягивает к себе. "Как вам нравится этот богач? Я тебе покажу сейчас революцию, паршивец", — негодует Роза. "Баба Дуся, баба Дуся, — монотонно тянет девочка, то и дело дергая Дусю за фартук, — ты меня слышишь, баба Дуся? — голос у девочки низкий, густой. Точно где-то там внутри, за вишенкой губ, упрятан целый орган со всеми его трубами, клавишами и механизмом. — Баба Дуся", — басит она на одной ноте, не повышая и не понижая голоса. "Что ты хочешь? Скажи уже! Скажи! Труба Иерихонская, прости меня Господи", — откликается, наконец, Дуся. "Положи мне этот кусок на тарелочку с цветочками. Я отнесу его скрипачке", — липкий замурзанный палец тычет в самый большой кусок арбуза. В его алой мякоти влажно лоснятся глянцевито-черные семечки. "Что случилось? — Дуся пронзительно смотрит на девочку из-под сдвинутых на лоб очков. — Твой папа богач? Он может кормить всю улицу? Весь дом?" — "Почему бы и нет? — деланно удивляется Роза, — он же каждый день приносит домой мешок денег. Правда, доця?" И столько скрытой угрозы в этом вопросе, столько ядовитой ласки, что девочка тотчас умолкает. "Оставь", — резко обрывает жену Миша. "Что такое? Чего ты взбеленился? Кто нам эта скрипачка? Пришей кобыле хвост", — стоит на своем Роза. "Хватит, — взрывается Миша, — замолчи!" На миг воцаряется тишина. Лишь только слышно глухое постукивание молотка, с которым, как всегда, не расстается Арон: "Значит, чужой человек, — словно бы ни к кому не обращаясь, вполголоса творит он, ни на минуту не прекращая работы, — а помнишь того молдаванина, что умер у нас во дворе? Тоже был чужой человек. Мир праху его", — он пристально смотрит на Розу. "Что вы такое говорите, Арон? — меняется в лице Дуся и начинает мелко, испуганно креститься. — Побойтесь Бога. Она же была дитя неразумное. Грех вам ее попрекать. Грех!" — "Помнишь?" — тихо переспрашивает Арон. Роза молча кивает. Тяжелая багровая краска медленно заливает ее широкое лицо, полную шею. Она бросает быстрый взгляд на мраморный подоконник, точно силясь увидеть закопченный до черноты чугунок, в котором исходит паром жалкая горстка золотистой мамалыги. Внезапно душистый сытный дух ударяет ей в ноздри. Роза украдкой сглатывает вязкую слюну, что внезапно заполняет рот. Ей кажется — время повернуло вспять. Там, за порогом, повисло знойное марево голодного послевоенного лета. Какое пекло стояло тогда! Казалось, в округе

все, до последней былинки, было выжжено. Раскаленный булыжник обжигал через сандалии подошвы ног. Роза явственно слышит тихий хриплый голос: "Дай!". Босой мужчина в рваной свитке и бараньей папахе протягивает черную растрескавшуюся ладонь: "Дай!". Запавшие глаза его неотрывно глядят на чугунок. "Геть отсюдава! Геть!" — она толкает его. Бьет во впалую грудь. Откуда столько силы в ее детских тонких руках? Как зверь, оберегающий свою добычу, она хрипит злобно и яростно — "Геть!". "Что ты хочешь от меня, старик? Что ты мне выворачиваешь душу? — хочет крикнуть она в голос. — Зачем ты позоришь меня перед детьми? Перед мужем моим? Ты думаешь, я все забыла? Нет! До конца своей жизни буду помнить, как лежал этот молдаванин посреди двора, как медленно катилась его папаха. Ноги в рваных постолах дернулись несколько раз, и он затих. Разве ты забыл, как я совала ему в рот комья горячей, словно огонь, мамалыги, как толкала в плечо: "Дядечка, вставай! Дядечка!". За что мне это, старик? За что?"

Теплый тугой комок подкатило к самому горлу. Она крепко сжала губы. "Чтобы этого больше не видеть ни нам, ни нашим детям, ни детям наших детей," — шепчет, словно заклятие, Дуся и трубно сморкается.

Мальчик долго исподлобья смотрит на взрослых. Потом переводит взгляд на арбуз. С тихой печалью пересчитывает истекающие розовым соком последние ломти. И, сурово сдвинув брови, поворачивается к Арону: "Пусть будет по-твоему. Пусть эта скрипачка ест на здоровье! Но женись на ней! Женись! И тогда она станет нашей!". Ах, как хохочет сапожник Арон, раскачиваясь из стороны в сторону на своем стуле. А как смеется Роза! Как трещит ее старый узкий халат. "Женитесь, Арон! Женитесь! В чем дело?" — кудахчет сквозь хохот Миша. "Чтоб ты был здоров, моя умница", — чуть не плачет от смеха Дуся. Разве в этом шуме можно услышать тихий скрип двери? "Вы так весело смеетесь, что мне просто стало завидно", — смущенно улыбается скрипачка. Она в нерешительности стоит на пороге своей комнаты. "Идите сюда! — Дуся манит ее пальцем, — что вы прячетесь от нас?" — "Угощайтесь! Первый арбуз в том году", — конфузливо кивает Роза. "Подождите минуточку! У меня есть свежий хлеб. Вы знаете, я жила с дедушкой, так он научил меня есть арбуз с хлебом. Необыкновенно вкусно!"

В эту ночь Арон долго не мог уснуть. Он ворочался. Вздыхал. Вышагивал босыми ногами по старым скрипучим половицам. Казалось, душный, жаркий воздух обволакивает грудь, забивает горло. Потом вышел на галерею. Оперся о влажный от ночной сырости мраморный подоконник.

Камень приятно охлаждал кожу. Со двора доносился терпкий запах ночных фиалок. Арон задумчиво, долго смотрел на тонкий, точно сточенный нож, серп луны, на низко нависшее звездное небо. Редкие облака, набегая на луну, отвечивали перламутром и были похожи на створки раковин, которые морские волны тысячами выносят на одесский берег. От этих движущихся облаков, подгоняемых ветром, свет звезд казался трепещущим, зыбким. "Как субботние свечи", — подумал Арон. Неведомо из каких потайных закоулков памяти вдруг выплыл тяжелый массивный подсвечник с девятью плошками и маленьким серебряным колокольчиком, неясные путанные звуки первых слов молитвы: "Моаус цур ешуоси". Он повторил несколько раз эти полузабытые слова. Что они означают? У кого об этом спросить? Тех, кто сидел рядом с ним за родительским столом, покрытым белой туго накрахмаленной скатертью, давно уже не было в живых. "А может быть, ничего этого не было? Может, все это тебе просто почудилось. За кого ты хочешь молиться, Арн? — он назвал себя детским полузабытым именем, и от этого странно похолодело в груди. — За мертвых? За себя? За живых? Что тебе нужно от Бога? — Арон провел рукой по лицу, от лба к подбородку. Это был жест его отца. Так он начинал субботнюю молитву. — Господи, — прошептал он сурово, — ты выбираешь время, когда каждому из нас родиться и жить. И не в наших силах изменить это время. Человек слаб телом и душой. Так не отнимай последнего. Не разъединяй нас. Дай нам силы любить ближнего". Он услышал, как за его спиной скрипнула дверь, и вздрогнул. "Что с вами, дядя Арон? Вам плохо?" Он обернулся. Перед ним стояла Роза. Сонная, встрепанная, укутанная в простыню, которую с трудом стягивала на высокой груди. "Роза! Как ты меня напугала! Так от страха и помереть недолго. Ты же, не про нас будь сказано, точно привидение в саване", — он засмеялся, раскачиваясь всем телом, и она зашикала на него: "Тише! Сейчас всех поднимете на ноги! Хорошенькое дело. Уже скоро утро, а вы еще не ложились. Слышу: туп-туп, туп-туп. Думаю, плохо ему!" — "Что ты понимаешь, женщина! Иди спать! Не мешай мне! Я разговариваю с Богом", — он ласково подтолкнул ее к двери. "Ваши вечные шуточки, дядя Арон". Над двориком повисла ночная тишина.